

in respect of Said Credits (loans), on risk factors for an increase in the debt burden of individual borrowers, as well as on the procedure for applying the measures provided for by part five of Article 45⁶ of Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)”. *Vestnik Banka Rossii = Bulletin of the Bank of Russia*. 2022;10. (In Russ.)

13. The Bank of Russia sets macroprudential limits on consumer loans. URL: <https://cbr.ru/press/pr/?file=638046460634914087FINSTAB.htm> (accessed: 05.04.2023).

14. Bulletin of the Bank of Russia: Normative acts and operational information No. 60. (In Russ.) URL: <http://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/131643/-1/2392> (accessed: 04.04.2023).

15. Vasyanina E. L., Shapsugova M. D. Public Law and Private Law Principles in the Mechanism of Regulation of Money Issues. *Bankovskoe pravo = Banking Law*. 2021;5:30. (In Russ.)

16. Mazein A. V. Administrative and legal regulation of proactive forms of managerial activity of public authorities: current state and prospects. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*. 2021;9:63—80. (In Russ.)

17. Bulletin of the Bank of Russia: Normative acts and operational information No. 60. (In Russ.) URL: <http://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/131643/-1/2392> (accessed: 31.03.2023).

18. The Bank of Russia will introduce additional measures to stimulate lending and postpone a number of regulatory innovations. (In Russ.) URL: https://cbr.ru/press/pr/?file=31032022_182209BANK_SECTOR31032022_162710.htm (accessed: 24.02.2023).

19. Quantitative characteristics of the banking sector of the Russian Federation. (In Russ.) URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/ (accessed: 27.03.2023).

20. Directive No. 5778-U of April 13, 2021 “On the methodology for determining systemically important credit institutions”. *Vestnik Banka Rossii = Bulletin of the Bank of Russia*. 2021. No. 30.

21. List of systemically important credit institutions as of 03.10.2022. (In Russ.) URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/SystemBanks.html/ (accessed: 05.04.2023).

22. Instruction of the Bank of Russia of November 29, 2019;199-I “On mandatory ratios and allowances for capital adequacy ratios of banks with a universal license”. *Vestnik Banka Rossii = Bulletin of the Bank of Russia*. 2020;11—12. (In Russ.)

23. The main directions of the unified state monetary policy for 2023 and the period of 2024 and 2025. (In Russ.) URL: https://cbr.ru/about_br/publ/ondkp/on_2023_2025/ (accessed: 03.04.2023).

24. In spite of all the troubles. Questions for the banking system for 2023. *ACRA [website]*. (In Russ.) URL: https://www.acra-ratings.ru/upload/iblock/64e/tb6hkuldvba1vqymujo5vzk0lj9vwt06/20221227_RFIVP.pdf (accessed: 18.03.2023).

25. Annual Report of the Bank of Russia for 2021. (In Russ.) URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/40915/ar_2021.pdf (accessed: 06.02.2023).

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 15.04.2023. The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 15.04.2023.

Научная статья

УДК 341.1/8

DOI: 10.25683/VOLBI.2023.63.625

Alim Hamidovich Adzhiev

Senior lecturer of the Department of international law,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
alim_adzhiev@bk.ru

Алим Хамидович Аджиев

старший преподаватель кафедры международного права,
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Российская Федерация
alim_adzhiev@bk.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ЖИВОГО ИНСТРУМЕНТА» В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

5.1.5 — Международно-правовые науки

Аннотация. Концепция «живого инструмента» является подходом, характерным для практики толкования многих международных договоров о правах человека, и в целом, как утверждается в настоящей статье, не выходит за рамки правил толкования, закрепленных в ст.ст. 31—33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Термин «живой инструмент» является метафорой, которая отражает концептуальную основу данного подхода. Согласно данной концепции, договоры должны толковаться как адаптирующиеся к современным условиям жизни общества. Анализ практики международных органов по правам человека показывает, что нередко они не склонны аргументировать правовые основания применения «живого» метода толкования. Следование международными органами по правам чело-

века подобной тенденции встречается с соответствующей критикой со стороны государств, а также в научной среде.

В статье предпринимается попытка выявления правовых оснований применения международными органами по правам человека концепции «живого инструмента». Анализ практики толкования рассматриваемых в статье международных договоров по правам человека, позволяет выявить несколько правовых оснований применения концепции «живого инструмента». Некоторые международные органы по правам человека используют в качестве правовых оснований непосредственно закрепленные в тексте толкуемых договоров положения, которые прямо или косвенно указывают на способность адаптации договора к современным условиям жизни общества.

Вместе с тем следует отметить, что безусловным правовым основанием применения концепции «живого инструмента» является внешний контекст толкуемого договора, обращение к которому предписывается п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., предусматривающим учет последующей практики и соглашений участников договоров, а также иных норм международного права.

Для цитирования: Аджиев А. Х. Правовые основания применения концепции «живого инструмента» в практике международных органов по правам человека // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2(63). С. 280—285. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.63.625.

Original article

THE LEGAL BASIS FOR THE APPLICATION OF THE “LIVING INSTRUMENT” CONCEPT IN THE PRACTICE OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS BODIES

5.1.5 — International legal sciences

Abstract. *The concept of a “living instrument” is an approach characteristic of the interpretative practice of many international human rights treaties and, in general, as argued in this article, does not go beyond the rules of interpretation enshrined in Art. 31—33 of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. The term “living instrument” is a metaphor that reflects the conceptual basis of this approach. According to this concept, treaties should be interpreted as adapting to the contemporary conditions of society. An analysis of the practice of international human rights bodies shows that they are often reluctant to argue the legal grounds for the application of the “living” method of interpretation. Following such a trend by international human rights bodies is met with corresponding criticism by the states, as well as in the academic environment.*

The article attempts to identify the legal grounds for the application of the “living instrument” concept by international human rights bodies. The analysis of the practice of interpretation of the international human rights treaties considered in the article

allows us to identify several legal grounds for the application of the concept of a “living instrument”. Some international human rights bodies use as legal grounds the provisions directly enshrined in the text of the interpreted treaties, which directly or indirectly indicate the ability to adapt the treaty to modern conditions of society.

At the same time, it should be noted that the absolute legal basis for the application of the concept of a “living instrument” is the external context of the treaty to be interpreted, to which reference is prescribed by article 31, paragraph 3, of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, which provides for the consideration of subsequent practice and agreements of the parties to treaties, as well as other rules of international law.

Keywords: *“living instrument”, interpretation of international treaties, international human rights law, law of treaties, 1969 Vienna Convention, international human rights treaties, European Court of Human Rights, Human Rights Committee, Inter-American Court of Human Rights, object and purpose of treaty*

For citation: Adzhiev A. H. The legal basis for the application of the “living instrument” concept in the practice of international human rights bodies. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2023;2(63):280—285. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.63.625.

Введение

Концепция «живого инструмента» (англ. — *living instrument*) — это подход к толкованию международно-правовых норм, предполагающий развитие их содержания со временем. Наиболее важной категорией международных договоров, которые относятся к «живым инструментам», являются международные договоры по правам человека [1, с. 509—538]. Данная концепция применяется как Европейским судом по правам человека (далее — ЕСПЧ), так и некоторыми другими международными органами, занимающимися разрешением споров, главным образом в сфере прав человека.

Актуальность статьи обуславливается тем, что в литературе нередко встречается позиция, в которой концепция «живого инструмента» критикуется как выходящая за рамки общих правил толкования международных договоров, закрепленных в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (далее — Венская конвенция 1969 г.). Часто в отечественной и зарубежной доктрине понятие «живого инструмента» связывается с более распространенным в практике международного права подходом — «эволютивным» («динамичным») толкованием. Также встречается позиция, что источником легитимности рассматриваемой концепции выступает принцип эффективности толкования. Некоторые авторы считают ее само-

стоятельной, специфической для сферы прав человека, концепцией. Разнообразие подходов в данном вопросе показывает неопределенность в том, какова подлинная правовая природа концепции «живого инструмента».

Отечественные и зарубежные исследователи в своих трудах затрагивают отдельные аспекты концепции «живого инструмента». Т. Уэббэр рассматривает «живой инструмент» в контексте «европейского консенсуса», отстаивая позицию, что таковым является подлинное представление о данной концепции и что это способствует ее гармонизации с другими средствами толкования норм международного права [2]. Ф. Де Виттор и Ч. Питеа рассматривают соотношение «живого инструмента» и «эволютивного» толкования в контексте практики ЕСПЧ [3]. В работе М. Килландера делается акцент на значении четкой и полной аргументации в случаях, когда применяется концепция «живого инструмента», чтобы избежать необоснованной ее критики [4]. Среди работ российских авторов следует выделить работы С. И. Коваленко, в которых исследуются вопросы эволютивного толкования в практике ЕСПЧ и прослеживается соответствующая их связь с концепцией «живого инструмента» [5], работы А. А. Чечулиной, которая рассматривает особенности проявления концепции «живого инструмента» в практике ЕСПЧ и сравнивает данную концепцию с ее пониманием в теории

конституционализма [6], работы Н. Н. Липкиной, в которых исследуется доктрина «живого инструмента» в системе тенденций развития международных обязательств по правам человека в контексте глобализации [7, с. 75—81].

Целесообразность настоящего исследования обуславливается необходимостью повышения правовой определенности в отношении правовых оснований применения концепции «живого инструмента» международными органами по правам человека, а также обеспечения совместимости выявленных оснований с правилами толкования, закрепленными в Венской конвенции 1969 г. Выявление параметров такой совместимости видится важным в контексте международно-правового принципа верховенства права [8, с. 142—146].

Научная новизна состоит в двух аспектах: во-первых, обширная практика применения концепции «живого инструмента» международными органами по правам человека рассматривается сквозь призму подходов к толкованию международных договоров, изложенных в Венской конвенции 1969 г.; во-вторых, предпринимается попытка выявления правовых оснований для применения концепции «живого инструмента» непосредственно в текстах толкуемых договоров.

Целью работы является выявление правовых оснований применения концепции «живого инструмента» в практике толкования международных договоров по правам человека. Осуществление поставленной цели будет достигаться реализацией **задач**, состоящих в анализе практики международных органов по правам человека, в которых применяется концепция «живого инструмента», и в выявлении основных правовых оснований ее применения.

Полученные в ходе настоящего исследования результаты могут способствовать развитию теории толкования норм в международном праве, что обуславливает **теоретическую значимость** данной работы. В свою очередь, применение полученных результатов в практике толкования норм международного права соответствующими внутригосударственными и международными органами, предопределяет **практическую значимость** настоящего исследования.

Основная часть

«Живой инструмент» как концепция толкования международных договоров по правам человека впервые была использована ЕСПЧ в его постановлении по делу *Tyger vs. The United Kingdom* [9]. Несмотря на многочисленные упоминания в зарубежных и отечественных статьях ЕСПЧ как основоположника данной концепции, стоит отметить, что впервые позиция, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская конвенция) должна толковаться в свете современных условий жизни общества, была высказана Европейской комиссией по правам человека, что ЕСПЧ прямо отмечает в указанном выше постановлении [9].

Вместе с тем как средство толкования Европейской конвенции данная концепция развивалась именно ЕСПЧ, в частности в его постановлениях (например по делу *Marckx vs. Belgium* [10]), и продолжает применяться, например, *Zoletic and Others vs. Azerbaijan* [11]. Как следует из анализа данной практики, ЕСПЧ не аргументирует позицию, на основе каких положений самой Европейской конвенции она должна толковаться в свете современных условий жизни общества. Такой подход иногда вызывает критику у исследователей. При этом, как отмечается в науке, «эволютивное толкование в силу принципа субсидиарности не должно осуществляться произвольно» [12, с. 83].

В справочном документе, подготовленном Секретариатом ЕСПЧ для проведенного в 2020 г. судебного семинара, посвященного 70-летию Европейской конвенции, отмечается, что консенсус является основой эволюции стандартов Конвенции, и наличие общего мнения помогает Суду толковать конвенционные понятия, обновлять их и решать: широкой или узкой должна быть свобода усмотрения государства [13, с. 4]. Подобная позиция наталкивает на мысль, что Европейская конвенция обладает характером «живого инструмента» в силу использования последующего соглашения между участниками, последующей практики ее применения, а также в силу любых соответствующих норм международного права, применяемых в отношениях между участниками (п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г.) (далее — внешний контекст).

Другим основанием для признания Европейской конвенции в качестве «живого инструмента», как представляется, является сам ее текст, а именно формулировки целей данного договора. Согласно п. 1 ст. 31 Венской конвенции 1969 г., объект и цель договора надлежит учитывать при его толковании. В преамбуле Европейской конвенции отмечается, что «целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из средств достижения этой цели является защита и развитие прав человека и основных свобод» (курсив авора). Сам термин «развитие» предполагает изменение содержания прав человека, что вполне корреспондирует концепции «живого инструмента», хотя сам ЕСПЧ напрямую не связывает данную концепцию с указанной формулировкой преамбулы. При этом следует отметить, что в англоязычном тексте Европейской конвенции используется словосочетание *further realization*, что переводится, скорее, как «дальнейшее осуществление», «последующая реализация», «дальнейшее воплощение». Насколько такие термины предполагают изменение закрепленных в Европейской конвенции прав, является неочевидным. В свою очередь, во франкоязычной версии Европейской конвенции используется словосочетание *le développement des droits de l'homme*, что следует перевести именно как «развитие прав человека».

Концепция «живого инструмента» обширно применяется и в практике толкования Американской конвенции о правах человека 1969 г. (далее — Американская конвенция). Межамериканский суд по правам человека (далее — МАСПЧ) неоднократно отмечал, что договоры по правам человека представляют собой «живые инструменты», при этом, выражая согласие с позицией ЕСПЧ, МАСПЧ подчеркивал, что такие договоры должны толковаться «эволютивно, рука об руку со временем и современными условиями жизни» [14, пар. 125]. В практике МАСПЧ такая позиция неоднократно повторяется [15, пар. 165; 16, пар. 146].

Анализ соответствующей практики МАСПЧ показывает тенденцию обращения к внешнему контексту Американской конвенции посредством прямого обращения к нормам Венской конвенции 1969 г. при применении концепции «живого инструмента». При этом, цитируя положения п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г., он подчеркивает важность обращения не только к подп. b данного пункта (посвящен последующей практике), но и к его подп. c, в которой делается упор на иные соответствующие нормы международного права, применяемые между участниками. В качестве таковых в практике МАСПЧ зачастую используются нормы универсальных международных договоров по правам человека.

В свою очередь, следует отметить, что преамбула Американской конвенции не дает прямой возможности обосновать применение концепции «живого инструмента» при ее

толковании. Вместе с тем гарантия такой возможности, как представляется, содержится в самом тексте договора. Статья 29 Американской конвенции устанавливает правила, которые должны соблюдаться при ее толковании и применении. В частности, в п. b данной статьи предусмотрено, что ни одно положение Американской конвенции не должно толковаться как ограничивающее пользование или осуществление любого права или свободы, признанных в силу законов любого государства-участника или в силу другой конвенции, участником которой является одно из указанных государств. Основываясь на этой статье, МАСПЧ заявил, что международные договоры по правам человека являются «живыми документами», и поэтому их толкование должно меняться с течением времени, чтобы отражать текущие условия. Такая норма также позволяет МАСПЧ опираться на иные нормы международного права, как и в случае с Венской конвенцией, однако следует отметить, что такая возможность напрямую закреплена в самой Американской конвенции.

В свою очередь, Межамериканская комиссия по правам человека (далее — МАКПЧ) также обращается к концепции «живого инструмента». Впервые это было сделано в 2000 г. в деле *Rudolph Baptiste vs. Grenada*, в котором МАКПЧ ссылается на «живой» подход к толкованию, используемый ЕСПЧ, согласно которому Европейская конвенция должна толковаться в свете современных условий жизни общества [17, пар. 95]. МАКПЧ довольно часто ссылается на правовые позиции ЕСПЧ при обращении к концепции «живого инструмента» [18, пар. 87; 19, пар. 152].

Есть некоторые причины считать, что правовых оснований для применения концепции «живого инструмента» у МАКПЧ больше, чем у МАСПЧ. Наряду с указанными выше внешним контекстом и внутренним правилом толкования Американской конвенции, закрепленным в ст. 29 Американской конвенции, МАКПЧ непосредственно наделена функцией развития общего понимания прав человека у народов Америки, которая закреплена в п. а) ст. 41 Американской конвенции.

Практика Африканского суда по правам человека и народов (далее — Африканский суд), и Африканской комиссии по правам человека и народов (далее — Африканская комиссия) не содержит упоминания концепции «живого инструмента» [4, с. 150], хотя обращение к внешнему контексту Африканской хартии прав человека и народов 1986 г. (далее — Африканская хартия), могло бы позволить данным органам, как и их европейскому и американскому аналогам, использовать данную концепцию при толковании Африканской хартии.

Тем не менее, как отмечает М. Килландер, региональный консенсус сыграл незначительную роль в практике Африканской комиссии [4, с. 151]. Возможным объяснением этому является содержание ст.ст. 60—61 Африканской хартии, которые предусматривают возможность обращения Африканской комиссии к более широкому кругу документов, чем это указано в п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г. Так, в своем решении по делу *Purohit and Moore v. The Gambia* Африканская комиссия отметила, что опирается на соответствующие и актуальные международные и региональные документы, принципы, нормы и стандарты в области прав человека, принимая во внимание общепризнанный принцип универсальности, который был установлен Венской декларацией и Программой действий 1993 г. и который провозглашает, что все права человека являются универсальными, неделимыми, взаимозависимыми и взаимосвязанными [20, пар. 48].

Такой широкий круг инструментов вполне способен породить эффект толкования Африканской хартии как «живого инструмента». Более того, как и Европейская конвенция, Африканская хартия закрепляет в преамбуле обязанность развивать и защищать права человека и народов, что также может выступать самостоятельным правовым основанием для ее «живого» толкования. В этом смысле потенциал Африканской хартии в полной мере позволяет использовать рассматриваемую концепцию.

Договорные органы по правам человека ООН — комитеты по правам человека — можно считать приверженцами концепции «живого инструмента».

Одним из первых комитетов, обозначивших в своей практике такой подход к толкованию, является Комитет ООН по правам человека. В деле *Roger Judge vs. Canada* он отступил от своей практики, которая складывалась на протяжении 10 лет до данного дела, отметив при этом, что произошли заметные фактические и юридические события и изменения в международном мнении в отношении поднятого в деле вопроса. Несмотря на то, что Комитет прямо не сослался на нормы Венской конвенции 1969 г., тем не менее он принял во внимание расширение международного консенсуса в пользу отмены смертной казни, а в государствах, сохранивших смертную казнь, — расширение консенсуса не приводить ее в исполнение. Таким образом, Комитет по правам человека сделал упор на внешний контекст договора в духе п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г., при этом отмечая, что Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. следует толковать как «живой инструмент», а защищаемые им права должны применяться в контексте и в свете современных условий [21, пар. 10.3].

Подобную позицию можно встретить и в практике Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации. В своем заключении по делу *Nagan vs. Australia* Комитет отметил, что Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. как «живой инструмент» должна толковаться и применяться с учетом обстоятельств современного общества [22, пар. 7.3]. При этом следует отметить, что данный орган не делает особый акцент на изучении внутреннего законодательства государств-участников или других международных договоров. В контексте указанного дела он отмечает, что в настоящее время термин, который стал предметом жалобы, считается оскорбительным и обидным, несмотря на то, что в течение длительного периода времени он таковым не считался. Однако позже Комитет закрепил свою позицию относительно Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в своей Общей рекомендации № 32, подчеркнув, что она является «живым инструментом» и должна читаться в «контекстно-зависимой манере» и что контекст данной рекомендации включает в себя, помимо полного текста Конвенции, ее название, преамбулу и постановляющие статьи, ряд универсальных стандартов в области прав человека, касающихся принципов недискриминации и специальных мер [23, пар. 5]. Более того, «контекстно-чувствительное толкование» также включает учет конкретных обстоятельств государств-участников без ущерба для универсального качества норм Конвенции [23, пар. 5]. Таким образом, Комитет по ликвидации расовой дискриминации сформулировал наиболее широкое основание для применения «живого» толкования в отношении Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, по сути, ссылаясь на всю ст. 31 Венской конвенции 1969 г.

Комитет по правам ребенка также является одним из договорных органов ООН по правам человека, которые прямо используют концепцию «живого инструмента». В своем замечании общего порядка № 8 он отмечает, что Конвенцию по правам ребенка 1989 г. следует рассматривать как «живой инструмент», толкование которого развивается со временем [24, пар. 20]. В качестве правового основания для такого толкования обращается к внешнему контексту данного договора (не ссылаясь, однако, на положения ст. 31 Венской конвенции 1969 г.).

Заключение и выводы

Таким образом, метод толкования международных договоров по правам человека как «живого инструмента», согласно которому договоры необходимо толковать в свете современных условий жизни общества, встречается в практике целого ряда международных органов по правам человека. Соответствующая практика позволяет выявить следующие правовые основания для использования такого метода.

Во-первых, таковыми выступают положения п. 3 ст. 31 Венской конвенции 1969 г., которые отсылают субъекта толкования к внешнему контексту договора, который, по сути, формирует представление о современных условиях жизни общества.

Во-вторых, некоторые международные договоры по правам человека непосредственно в своих текстах закрепляют специальное правовое основание для обращения к внешнему контексту таких договоров (ярким примером является Африканская хартия). При этом объем такого специального внешнего контекста шире, чем по Венской конвенции 1969 г.

В-третьих, возможность обращения к «живому инструменту» как к подходу к толкованию международных договоров по правам человека прослеживается и в преамбулах некоторых таких договоров, в которых содержатся положения о развитии прав человека, что вполне может способствовать использованию рассматриваемой концепции.

Анализ рассмотренной практики международных органов по правам человека показывает, что практически в каждом случае применения концепции «живого инструмента» при толковании соответствующих международных договоров данные органы последовательно обращаются к внешнему контексту толкуемого договора. Однако следует отметить, что зачастую, обращаясь к концепции «живого инструмента» данные органы не указывают конкретные правовые основания ее использования. Такая ситуация, как видится, является одной из причин встречающегося в науке критического отношения к данной концепции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bowman M. J. Kritsiotis D. *Conceptual and Contextual Perspectives of the Modern Law of Treaties*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 1168 p.
2. Webber T. *The European Convention of Human Rights and the Living Instrument Doctrine: An Investigation into the Convention's Constitutional Nature and Evolutive Interpretation*. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy (University of Southampton, 2016) // University of Southampton Institutional Repository. URL: <https://eprints.soton.ac.uk/413852/> (accessed: 23.03.2023).
3. De Vittor F., Pitea C. Does the «living instrument» doctrine always lead to «evolutive interpretation»? Some remarks after *Hassan v the United Kingdom* // *Questions of the International Law Journal*. 2015. Vol. 2. Pp. 258—260.
4. Killander M. *Interpreting regional human right treaties* // *SUR International journal of Human Rights*. 2010. Vol. 7. No. 13. Pp. 145—169.
5. Коваленко С. И. Эволюционный подход Европейского Суда по правам человека и толкованию норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: периодизация // *Международное правосудие*. 2018. № 3(77). С. 77—92.
6. Чечулина А. А. Живой инструмент Европейской Конвенции: продолжение дискуссии // *Юридическое образование и наука*. 2019. № 9. С. 26—32.
7. Липкина Н. Н. *Международные обязательства по правам человека: тенденции развития в контексте глобализации*. М.: Юрлитинформ, 2019. 200 с.
8. Красиков Д. В. Подходы международных организаций к определению содержания понятия «верховенство права» // *Вестник Саратовской государственной академии права*. 2011. № 2(78). С. 142—146.
9. European Court of Human Rights. *Tyrer v. the United Kingdom*. Judgement of April 25, 1978.
10. European Court of Human Rights. *Marckx v. Belgium*. Judgement of June 13, 1979.
11. European Court of Human Rights. *Zoletic and Others v. Azerbaijan*. Judgement of October 7, 2021.
12. Красиков Д. В., Липкина Н. Н. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в сфере прав человека в контексте принципа субсидиарности. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2014. 188 с.
13. Registry of European Court of Human Rights. *Background paper for the Judicial Seminar 2020: The Convention as a Living Instrument at 70* // Official website of the European Court of Human Rights. URL: https://echr.coe.int/Documents/Seminar_background_paper_2020_ENG.pdf (accessed: 29.03.2023).
14. Inter-American Court of Human Rights. *Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community vs. Nicaragua*. Judgement of August 31, 2001.
15. Inter-American Court of Human Rights. *Gómez-Paquiyaury Brothers vs. Peru*. Judgement of July 8, 2004.
16. Inter-American Court of Human Rights. *Yakye Axa Indigenous Community vs. Paraguay*. Judgement of June 17, 2005.
17. Inter-American Commission of Human Rights. *Rudolph Baptiste vs. Grenada*. Report No. 38/00. April 13, 2000.
18. Inter-American Commission of Human Rights. *Donnason Knights vs. Grenada*. Report No. 47/01. April 4, 2001.
19. Inter-American Commission of Human Rights. *Michael Edwards, Omar Hall, Brian Schroeter and Jeronimo Bowleg vs. Bahamas*. Report No. 48/01. April 4, 2000.
20. African Commission on Human and Peoples' Rights. *Purohit and Moore vs. The Gambia*. Comm. 241/2001. Decision of May 15—29, 2003.
21. Human Rights Committee. *Judge vs. Canada*. Comm. 829/1998. Views of August 5, 2002.
22. Committee of the Elimination of Racial Discrimination. *Hagan vs. Australia*. Comm. 26/2002. Opinion of March 20, 2003.
23. Committee of the Elimination of Racial Discrimination. *General Recommendation No. 32*. September 24, 2009.
24. Committee of the Rights of the Child. *General Comment No. 8*. March 2, 2007.

REFERENCES

1. Bowman M. J. Kritsiotis D. Conceptual and Contextual Perspectives of the Modern Law of Treaties. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 1168 p.
2. Webber T. The European Convention of Human Rights and the Living Instrument Doctrine: An Investigation into the Convention's Constitutional Nature and Evolutive Interpretation. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy (University of Southampton, 2016). University of Southampton Institutional Repository. URL: <https://eprints.soton.ac.uk/413852/> (accessed: 23.03.2023).
3. De Vittor F., Pitea C. Does the «living instrument» doctrine always lead to «evolutive interpretation»? Some remarks after Hassan v the United Kingdom. Questions of the International Law Journal. 2015;2:258—260.
4. Killander M. Interpreting regional human right treaties. SUR — International journal of Human Rights. 2010;7:13:145—169.
5. Kovalenko S. I. Evolutionary approach of the European Court of Human Rights and interpretation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: periodization. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*. 2018;3(77):77—92. (In Russ.)
6. Chechulina A. A. Living instrument of the European Convention: continuation of the discussion. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal Education and Science*. 2019;9:26—32. (In Russ.)
7. Lipkina N. N. International obligations on human rights: development trends in the context of globalization. Moscow, Yurlitinform, 2019. 200 p.. (In Russ.)
8. Krasikov D. V. Approaches of international organizations to the definition of the content of the “the rule of law” concept. *Vestnik of Saratov State Academy of Law*. 2011;2(78):142—146. (In Russ.)
9. European Court of Human Rights. Tyrer v. the United Kingdom. Judgement of April 25, 1978.
10. European Court of Human Rights. Marckx v Belgium. Judgement of June 13, 1979.
11. European Court of Human Rights. Zoletic and Others v. Azerbaijan. Judgment of October 7, 2021.
12. Krasikov D. V., Lipkina N. N. Interaction of international and domestic law in the field of human rights in the context of the principle of subsidiarity. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2014. 188 p. (In Russ.)
13. Registry of European Court of Human Rights. Background paper for the Judicial Seminar 2020: The Convention as a Living Instrument at 70 // Official website of the European Court of Human Rights. URL: https://echr.coe.int/Documents/Seminar_background_paper_2020_ENG.pdf (accessed: 29.03.2023).
14. Inter-American Court of Human Rights. Mayagna (Sumo) Awas Tingni Community vs. Nicaragua. Judgement of August 31, 2001.
15. Inter-American Court of Human Rights. Gómez-Paquiyaury Brothers vs. Peru. Judgement of July 8, 2004.
16. Inter-American Court of Human Rights. Yakye Axa Indigenous Community vs. Paraguay. Judgement of June 17, 2005.
17. Inter-American Commission of Human Rights. Rudolph Baptiste vs. Grenada. Report No 38/00. April 13, 2000.
18. Inter-American Commission of Human Rights. Donnason Knights vs. Grenada. Report No 47/01. April 4, 2001.
19. Inter-American Commission of Human Rights. Michael Edwards, Omar Hall, Brian Schroeter and Jeronimo Bowleg vs. Bahamas. Report No 48/01. April 4, 2000.
20. African Commission on Human and Peoples' Rights. Purohit and Moore vs. The Gambia. Comm. 241/2001. Decision of May 15—29, 2003.
21. Human Rights Committee. Judge vs. Canada. Comm. 829/1998. Views of August 5, 2002.
22. Committee of the Elimination of Racial Discrimination. Hagan vs. Australia. Comm. 26/2002. Opinion of March 20, 2003.
23. Committee of the Elimination of Racial Discrimination. General Recommendation No. 32. September 24, 2009.
24. Committee of the Rights of the Child. General Comment No. 8. March 2, 2007.

Статья поступила в редакцию 06.04.2023; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.
The article was submitted 06.04.2023; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 15.04.2023.

Научная статья

УДК 342.31

DOI: 10.25683/VOLBI.2023.63.635

Violetta Dmitrievna Gavrilova

3rd year student of the Institute of Law,
Specialty, Department of Philosophy and Theory of Law,
Field of study «Judicial and prosecutorial activities»,
Volgograd State University
Volgograd, Russian Federation
spd-201_252364@volsu.ru

Виолетта Дмитриевна Гаврилова

студентка 3-го курса Института права,
специалитет, кафедра философии и теории права,
направление подготовки «Судебная и прокурорская деятельность»,
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация
spd-201_252364@volsu.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА — НОВАЯ ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Целью исследования является определение культурного суверенитета как новой цели государственной культурной политики Российской Федерации. В сложной международной обстановке, связанной с введением санкций против Российской Федерации со стороны недружественных государств коллективного Запада, проблема обеспечения